

МНОГОЛИКОСТЬ ПРОЯВЛЕНИЙ ДВОИЧНОСТИ

© Д.В.Сергеева

В статье дается предельно краткая характеристика группы родственных по своей семантике понятий, которые обозначают различные аспекты такого сложного явления, как бинарность (двоичность). Автор предпринимает попытку выявить их культурологический потенциал, указать на существующие между ними основные сходства и различия, а также обозначить то понятие, которое в ряду рассмотренных способно претендовать на роль наиболее общего.

Ключевые слова: антиномия, противоречие, двоичность.

Основной задачей, поставленной автором в данной статье, является обращение к специфическому аспекту проблемы антиномии, привлекавшему пока еще недостаточное, на наш взгляд, внимание исследователей. Для этого мы предпринимаем аналитический обзор целого ряда понятий, относящихся к особенностям окружающего нас двоичного мира. Соответственно и цель настоящей работы носит двойной характер: она состоит, во-первых, в осуществлении анализа – лингвистического, преимущественно этимологического, но в перспективе претендующего на характер культурологического – охваченных данным исследованием терминов, а во-вторых, в их взаимном сопоставлении и систематизации внутри некоей гипотетической, семантически в высшей степени содержательной и глубоко диалектической сферы, объединяющим началом по отношению к которой служит принцип бинарности. Отметим, что само понятие "диалектика" не включается автором в данное исследование, как не относящееся по своему статусу к ряду понятий, в нем анализируемых, хотя и, безусловно, признаваемых диалектическими. Иными словами, диалектичность можно рассматривать в качестве общей практически для всех из них характеристики.

Наличие в окружающем нас мире симметрии, чаще всего вообще не вызывающей особого интереса по причине ее обыденности, позволяет говорить не просто о существовании одного и того же "в двух экземплярах" и не только о примитивном повторе чего-то – повторе, не прибавляющем ничего нового к уже известному и уже бывшему, а о ситуации подобия, в большей или меньшей степени вариативного повторения этого "чего-то", которое в то же время отнюдь не выступает в качестве исходного начала – гипотетического оригинала, поскольку чаще всего обе части симметричного объекта природа порождает одновременно. Однако даже в случаях зеркальной симметрии мы оказываемся перед лицом

более или менее явных различий, позволяющих говорить не о буквальном повторении, но лишь о более или менее явном сходстве соотносимых объектов и/или их частей. Многие древнегреческие мыслители или представители классицизма, например, не смущаясь простотой близкой к принципу повтора симметрии, рассматривали ее как необходимое и достаточное условие для возведения обнаруживающего ее явления в ранг гармоничного.

И все же основной исследовательский интерес традиционно был направлен именно на асимметричное, оппозиционное и противоположное друг другу. В связи с этим можно вспомнить и о легендарном Зороастре, и о пифагорейцах [1: 144], и о Гераклите ("враждебное ладит", "все удерживается вместе" благодаря наличию противоположностей, "все возникает через вражду", а логос творит вещи через их "бег-в-противоположные-стороны" [1: 200-201]), и о множестве примеров из иных культур. Однако именно в философии Пифагора и Гераклита впервые в европейской (противоположности, обнаруживавшиеся в восточных культурах гораздо в меньшей степени "сталкивались лбами", и их взаимной оппозиционности не придавалась столь значимая роль), а вероятнее всего и в мировой, мысли была сделана заявка на то, чтобы показать эвристический и *созидательный* потенциал бинарности.

Итак, предметом рассуждений, составивших данную работу, является группа тех терминов, которые в той или иной степени связаны с проблемой "двоичности". Естественно, мы не претендуем на окончательность предлагаемого ниже списка, однако считаем, что он в достаточной степени репрезентативен. Мы ставим перед собой задачу, исходя из лингвистических, этимологических, общекультурных оснований, дать этим понятиям по возможности адекватные характеристики и попытаться выявить те отношения, которые сложились между ними за все время их

более или менее интенсивного функционирования в обыденном языке и активного использования в научном дискурсе.

Следует заметить, что все привлекаемые нами термины прекрасно известны в теории и были неоднократно, хотя и с разной степенью детализации, рассмотрены и интерпретированы, в том числе и выдающимися умами человечества. И все же, на наш взгляд, тот анализ, которому они подвергались в прошлом, носил практически исключительно философский характер (что, естественно, не может рассматриваться в качестве некоего недостатка). Поэтому вполне обоснованной представляется попытка их культурологического рассмотрения. (Считаем необходимым добавить, что исследование ведется в рамках глубоко европейского отношения к феномену двойности.)

Итак, начнем с широко известного понятия "антагонизм". Это греческое по своему происхождению слово, которое, как известно, обозначает "противоречие, достигшее наибольшей остроты", состоит из двух частей – *άντι* и *άγων*.

Присутствие в том или ином термине широко употребляемого во всех европейских языках и входящего в состав множества самых разнообразных слов предлога *άντι* привычно и если и не исключительно, то преимущественно воспринимается нами как наделение содержательного основания этих же слов противоположным смыслом. Однако буквальное значение этого предлога отличается гораздо меньшей "жестокостью" и большим миролюбием, поскольку он означает всего лишь "вместо, за, наравне с кем-то, подобно кому-то" (значение всех греческих слов, упоминаемых в настоящей работе, дается по [2]) и может придавать сложным словам различные значения, а именно указывать как на противоположное ("противное") действие, так и на замену кого-либо или чего-либо, на взаимность, проявляющуюся в действиях и отношениях, и даже на подобие чему-то. Иначе говоря, этот предлог, который может смело претендовать на статус полноценного и в то же время своеобразного оксюморона, не только "призывает" к конфронтации, противостоянию, взаимоотрицанию, но с не меньшей настойчивостью говорит о сближении, равенстве, сходстве. Поэтому он и смог дать путевку в жизнь столь отличающимся друг от друга смыслам, как "взаимно уничтожать" (*άνταναίρεο*), "взаимно побеждать" (*άντινικάω*), "взаимно уважать" (*άνταιδέομαι*), "замена" (*άντάλλαγμα*), "равноценный" (*άντάξιος*), "подобный солнцу" (*άντηλιος*) и многие др. И хотя такие "близкие родственники" предлога *άντι*, как предлоги *άντά* (прямо, против, в лицо) и *άντην* (на-

против, среди), демонстрируют наличие более сильного и подчеркнута конфронтационного потенциала, важнейшим "символом" противоположения, противостояния и отрицания положительного значения исходного смысла является именно первый из них, что подтверждается такими словами, как "антифашист", "антигерой" и даже "Антихрист" (и, конечно же, многими другими).

Второй элемент термина (*άγων*) означает "место собрания", само "собрание", "состязание" (как на общественных играх, так и в суде), а также – в переносном значении – может быть понят, как "труд, исполненный борьбы и полный опасностей". Иначе говоря, в данном случае имеется в виду труд как таковой, т.е. как осмысленный, целесообразный и в достаточной степени содержательный вид деятельности, гуманистическая интерпретация которого представляет его в качестве полноправного феномена культуры. Добавим, что, слово *άγωνία*, семантически частично совпадающее с корневым, обозначает "состязание" и "борьбу", а также "внутреннюю борьбу, тревогу, беспокойство". Это обстоятельство и привело к превращению слова "агония" в обозначение предсмертного состояния тщетно цепляющегося за безнадежно ускользающую жизнь человека. С другой стороны, слово *άγωνισμα* помимо уже "привычных" для нас значений – "состязание" и "борьба" – содержит в себе такие смыслы, как "подвиг" и "славное дело". Такой поворот также представляет немалый интерес для культурологического анализа – хотя бы потому, что перед нами вновь оказывается если и не дотягивающее до полноценного оксюморона, то, безусловно, внутренне противоречивое понятие, соединяющее в себе на первый взгляд столь плохо совместимые значения, как "тревога" и "беспокойство", с одной стороны, и "подвиг" и "славное дело" – с другой.

Однако приходится констатировать, что европейская культура не воспользовалась представившейся ей возможностью использовать этот термин именно в его позитивном значении и сконцентрировала свое внимание на его негативной стороне. В итоге в европейских языках широкой популярностью стали пользоваться вокабулы, представляющие собой практически точную кальку со слова *άνταγωνιστής* (противник, враг, соперник), а понятие "антагонизм" заняло одно из центральных мест в наиболее значимых в истории европейской философии концепциях.

Понятие "антиномизм" – производное от в наибольшей степени интересующего нас термина "антиномия", который, в свою очередь, возник в результате соединения греческих слов *άντι* и

νόμος (обычай, закон; тон, лад, напев, и даже музыкальная мелодия), – отличается тем, что демонстрирует несколько иную интерпретацию обоих составляющих его греческих слов. Этот термин, популярный уже среди гностиков и мистиков первых веков христианства и ставший в дальнейшем важнейшим понятием христианского богословия, обозначает необыкновенно значимую в контексте христианской мысли тенденцию. Смысл ее сводится к отрицательному отношению к той нравственной дисциплине, неукоснительного соблюдения которой на практике требуют догматы Ветхого Завета. Раскрывается эта тенденция в негативном отношении ее проводников к Закону, под которым понимается Тора в целом и десять заповедей в частности. При этом существует антиномизм двух родов. В соответствии с первым – практическим – возрожденный человек (точнее, христианин) не нуждается во внешнем законе, так как спасается не делами, а одной верой и покаянием (ап. Павел: "человек оправдывается верою, независимо от дел закона". – Рим., 3:28), и хороши все его поступки. В соответствии же с антиномизмом второго рода – теоретическим – человек (христианин) приведен к покаянию евангельским учением и не должен изучать старый (устаревший) закон (если "законом оправдание, то Христос напрасно умер". – Галл., 2:21).

В спорах на эту тему, особенно актуальных для эпохи Реформации, участвовал в том числе и Лютер. В целом придерживаясь учения ап. Павла, он осуждал антиномизм и считал, что законы Торы для верующих полезны. В то же время некоторые из его последователей (например, И.Агрикола, Николай Амсдорфский и др.) стали сторонниками антиномизма. В целом данный термин, формально и, так сказать, номинально относящийся к рассматриваемой проблеме, в содержательном плане имеет к ней лишь косвенное отношение. В культурологическом плане интересно отметить, что по сути своей антиномизм ориентирован на углубление раскола между сторонниками ветхозаветных и новозаветных положений и что глубоко антиномично по своему характеру христианское учение в "авторских" интерпретациях не приемлет антиномии как таковой.

Термин "антитеза" вместе с еще одним своим русским вариантом – "антитезис" – представляет собой точнейшую кальку с греческого ἀντίθεσις. Однако в русском языке значения этих слов, как известно, в значительной степени разнятся. Если первый термин ("антитеза") обозначает особый ораторский, риторский прием, сутью которого является либо сопоставление, либо (преимуще-

ственно) противопоставление противоречащих друг другу мыслей с целью усиления производимого сказанным (написанным) впечатления на слушателей (читателей), то второй ("антитезис"), пожалуй, не претендует на внешние эффекты и ограничивается тем, что выступает в роли противоположения по отношению к содержательно связанному с ним, но противоположному ему по содержанию утверждению или суждению. Однако в любом случае общим для обоих является однокоренное прилагательное "антитетический", основной смысл которого может быть выражен через слово "противополагаемый".

Интереснейшим – как по своему содержанию, так и по истории – является термин "апо-рия". Основу этого термина составляет слово λόρος, важнейшими значениями которого являются: а) "путь" (как таковой, но в том числе и через что-либо, т.е. "переправа, переход"), б) "отверстие, скважина, поры в теле", в) "средство для достижения чего-либо или для выхода из затруднительного положения" и, наконец, г) "приобретение, добывание, промысел" (в связи с семантическим совпадением его со словом λорισμός). Префикс же "ἀ", как известно, обозначает отрицание того, что за ним следует. Таким образом, слово ἀλορία указывает на отсутствие какого-либо отверстия, шире – прохода, пути, обнаружение которого позволило бы выбраться (вероятнее всего, из чего-то неприятного), добраться до чего-либо и т.п. Иначе говоря, речь идет о "тупике".

"Расцветить" приведенное значение можно его же расширительным, более детализированным и, можно сказать, культурологическим истолкованием: имеются в виду такие его значения, как "затруднительное положение, трудноразрешимая или неразрешимая проблема". Однако наиболее интересным представляется то обстоятельство, что семантическое поле рассматриваемого термина обогащается за счет, условно говоря, субъективизации проблемы, а именно: в словарных комментариях, помимо констатации самого факта возникновения тупиковой ситуации (фиксация объективной данности), обнаруживаются указания на безвыходность и беспомощность, что можно понимать лишь как характеристики того положения, в котором оказался субъект. Еще в большей степени субъективный характер этого термина подчеркивается и в то же время усиливается такими его значениями, как "сомнение" и "недоумение". Слово ἀλορία имеет еще один смысл – "бедность", который связан с устойчивым греческим выражением λόρος χρημάτων (денежные средства, источник дохо-

дов) и понимается как результат отсутствия денежных средств.

Как известно, понятие "апория" прежде всего тесно связано с рядом изошренных задачек, "составленных" Зеноном Элейским и представленных им в качестве неразрешимых. Однако сам древнегреческий философ именно этот термин не употреблял, называя обнаруженные и сформулированные им головоломки неразрешимыми противоречиями. Но начиная с Платона (диалоги "Федр", "Филеб") это понятие уже используется для обозначения сомнений и затруднений, возникающих в связи с постановкой трудноразрешимого вопроса и попытками все же получить на него позитивный, т.е. значимый и по возможности однозначный ответ. Аристотель же рассматривает апорию в качестве точки отсчета ("О душе", "Физика"), т.е. такого положения, от которого исследователь начинает движение, имеющее своей целью изучение конкретного предмета, или даже как "равенство (равнозначность) противоположных заключений" ("Топика", VI 6, 145 в 2).

Несколько следующих из числа привлекаемых нами понятий имеют уже латинское происхождение. Это преимущественно термины, состоящие из двух частей: "бивалентность" "билатеральность", "биполярность", "бинарность". Первая их часть указывает на двоичность (bi – двух, дву-), а последний термин вообще образован от латинского слова "binaries" (двойной) и обозначает объекты, состоящие из двух частей. Значимую часть термина "бивалентность" (который в гуманитаристике до сих пор пребывает в некотором смысле на нелегальном положении, поскольку разнообразные словари либо вообще не принимают его во внимание, либо фиксируют лишь естественно-научную его "ипостась") составляет слово "valentia" ("сила"). Характеристика "валентный" в целом указывает на способность объекта устанавливать связи, сочетаться с иными объектами. Поэтому от него можно перебросить мостик к такому термину, как бифункциональность, а его следует трактовать как двуценность, а точнее двузначность: совмещение в одном объекте двух значимых и существенно отличающихся друг от друга, если не противоположных, свойств, функций, ориентаций или даже взаимоисключающих ценностных характеристик. В результате оказывается, что некий объект способен устанавливать содержательные связи с самыми различными объектами, которые по сути своей могут даже находиться в оппозиции друг к другу и в то же время обнаруживать наличие общих и к тому же соответствующих существенным свойствам вступающих в

связь объектов характеристик. В контексте настоящего исследования бивалентность является одной из наиболее значимых величин.

Во втором случае роль значимой части термина выполняет вокабула *lateralis* (боковой), которая фактически предупреждает нас о том, что оба элемента, образующие двойцу (bi-), являются частями единого тела. Это, например, двусторонняя симметрия, которая характерна прежде всего для живых организмов и обнаруживается благодаря наличию (преимущественно виртуальному) некоей плоскости симметрии, благодаря чему данный организм или его орган оказывается разделенным на одинаковые правую и левую половины. Эта структура все же несет в себе зародыш противоречия, проявляющийся, как минимум, в зеркальном расположении отдельных элементов и деталей, составляющих те самые стороны организма, которые и называются уже по-разному – левая и правая, в результате чего мы и можем говорить о наличии двоичности.

Наконец, термин "биполярный" оказывается в наибольшей степени близким уже рассмотренному понятию "бивалентность", которое говорит примерно о том же, только иными словами: наличие двух полюсов свидетельствует о внутренней противоречивости их субстрата и в то же время подтверждает возможность, а зачастую и эффективность подобной внутренней неоднородности и даже конфликтности. Именно биполярность обеспечивает устойчивость разнообразных процессов, не позволяя этой устойчивости превращаться в застой.

Понятие "дихотомия" (διχοτόμῳ – "разделять или рассекать на две части") относится к группе нейтральных понятий, содержание и "указания" которых не предполагают ценностного подхода ни к производимой операции, если таковая предусматривается, ни к трактовке тех объектов, о которых идет речь или которые в этой операции участвуют. Таким образом, это понятие носит скорее формальный, чем содержательный характер.

Понятие "парадокс" представляет собой полную противоположность предыдущему. Исходное слово *παράδοξος* может обозначать нечто необыкновенное и даже странное, а соответствующее понятие может быть интерпретировано существенно различным образом: это "1) неожиданное, своеобразное мнение (утверждение, рассуждение, вывод), резко расходящееся с общепринятым, противоречащее (часто только внешне) здравому смыслу; 2) неожиданное, казавшееся прежде невозможным явление; 3) противоречие, полученное в результате формально правильного логического рассуждения"[3: 604]. И

все же, по большому счету, парадокс как явление культуры скорее всего не формализуем. В качестве косвенного подтверждения этого вывода можно привести позицию Э.Ионеско, который предпочитал назвать художественный феномен, "учрежденный" им и получивший название театра абсурда, театром парадокса, тем самым, с одной стороны, возражая против стихийно возникшего названия, а с другой – признавая "от противного" известную смысловую связь между парадоксом и абсурдом. В то же время абсурд в любых его трактовках вряд ли в какой-то степени совпал бы со значениями лексемы "парадокс", приведенными выше, хотя как понятие вряд ли он может котироваться и в качестве противоположного по отношению к последнему.

Очередным заслуживающим рассмотрения в контексте темы данного исследования термином является русская лексема "противоречие", которую мы представим и ее греческим аналогом – *ἀντίφασις*. В силу того, что существует большое количество теоретических работ, прямо или косвенно посвященных проблеме противоречия, мы ограничимся указанием на то, что это наиболее общее из фигурирующих в данной работе понятий и что главная его ценность в ее контексте состоит в способности скрывающегося за ним явления выступать в роли источника развития.

Наконец, мы подошли к понятию "антиномия". Хотелось бы подчеркнуть, что понятие "антиномия" (во всяком случае, в том смысле, который для нас представляется наиболее значимым, – как принципиальное несовпадение в законах, как "противоречие между двумя законами, суждениями, умозаключениями, одинаково логически доказуемыми" [4: 73]), – имеет лишь отдаленное отношение к однокоренному термину "антиномизм", который был рассмотрен выше. Этот термин, по мнению историков, был введен в научный оборот немецким философом Р.Гоклениусом в 1613 г., хотя интерес к соответствующей проблеме обнаруживался и в раннехристианской и средневековой антилитературе (Псевдо-Дионисий, П.Абеляр и др.), и в трудах логиков-схоластов. Древние греки (прежде всего, имеется в виду так называемая древнегреческая апоретика, важнейшим вкладом в которую явились достижения школы Парменида, "сократический метод" Платона, многие высказывания Аристотеля, содержащиеся, в частности, в его "Топике"), как считают многие исследователи, использовали вместо него термин "апория", что, на первый взгляд, подталкивает нас если и не к отождествлению их, то к признанию наличия существенного сходства между ними.

Однако подлинно философскую "славу" термину "антиномия" принесло использование его Кантом. Данный термин философ применял в рамках собственного скептического метода, называя таким именем противоречия, в которые впадает теоретический разум, рассуждающий в диалоге с самим собой или с рассудком о фундаментальных проблемах мироустройства. Именно посредством антиномий оказалось возможным деление мира на мир явлений и мир вещей в себе, разделение сфер веры и разума. В то же время, даже не пытаясь пересказывать здесь взгляды по данной проблеме кенигсбергского затворника, отметим, что самое существенное для нас заключается в том, что наиболее фундаментальные антиномии заявляют о себе и обнаруживаются в самом процессе познания или возникают из него самого, в частности, благодаря предпринимаемым разумом попыткам выйти за пределы опыта и, выражаясь языком Канта, познать "вещь-в-себе". Результатом этого становятся, с одной стороны, осознание противоречивости самой окружающей нас действительности и тех процессов, которые протекают в ее лоне, а с другой – выработка неизбежно отличающихся противоречивым характером законов и еще более противоречивыми чертами научных концепций. Объективный характер антиномий, их неизбежное в процессе познания обнаружение и/или "возникновение" доказывают, что человеческий разум не может их преодолеть в принципе и должен если и не пассивно мириться с их наличием, то, как минимум, приспособляться к ним. Добавим к сказанному, что особый интерес к проблеме антиномий – по сути дела в развитие кантовских идей – был обнаружен исследователями рубежа XIX и XX столетий, и было это связано с разработкой так называемой теории множеств. Особое значение последнее замечание приобретает в связи с обращением к сфере культуры и выявлением в ее лоне бесконечно разнообразной череды антиномичных форм.

Таким образом, проведенный анализ показал (конечно, не в полной мере, прежде всего, в силу ограниченности масштабов данной статьи) как сходства, имеющиеся между рассмотренными понятиями, так и различия, которые далеко не всегда учитываются в ходе их употребления, а также, что наиболее важно, тот культурологический потенциал, которым обладает практически каждое из них. Дальнейший анализ этого потенциала, а также обоснование представления о понятии "антиномия" как о наиболее общем по отношению ко всем остальным, включенным в текст данной статьи, станут предметом исследования в последующих работах автора.

1. Фрагменты ранних греческих философов. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – М.: Наука, 1989. – Ч.1. – 576 с.
2. *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. Репринт 5-го издания 1899 г. – М.: б.и., 1991. – 1371 с.
3. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М.: ООО "Изд-во АСТ"; Мн.: Харвест, 2002. – 976 с.
4. *Усвятцов Л.* Антиномия // *Философская энциклопедия*: в 5 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1960. – Т.1. – 458 с.

MULTIPLICITY OF BINARITY'S ASPECTS

D.V.Sergeeva

This article briefly describes the characteristics of the group of semantically related notions defining various aspects of such a complex phenomenon as binarity. The author attempts to identify their potential for cultural knowledge, to show their similarities and differences and to specify the term, which among the considered ones can be named the most resumptive.

Key words: antinomy, contradiction, binarity, duality.

Сергеева Дарья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и методики их преподавания Московского педагогического государственного университета.

E-mail: dahut@mail.ru

Поступила в редакцию 18.05.2011